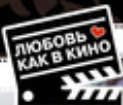

МАРИНА ТУРОВСКАЯ

*Пять дней
сплошного
цирка*

Марина Туровская

Пять дней сплошного цирка

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179328

Пять дней сплошного цирка: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-29507-4

Аннотация

Что побудило уверенную в себе, материально обеспеченную девушку Настю устроиться в цирк уборщицей? Конечно же, предательство любимого человека. А цирк – он на то и цирк, чтобы в нем происходили необычайные вещи, которые никак невозможно просчитать и предугадать. Новая любовь, секретное оружие, кража огромной суммы денег, взрывы, загадочные убийства, вмешательство ФСБ... За пять дней скучная, уравновешенная жизнь Насти перевернулась с ног на голову!

Содержание

День первый	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	49
Глава 11	53
Глава 12	59
Вставка № 1	66
День второй	72
Глава 1	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Марина Туровская

Пять дней сплошного цирка

День первый

Глава 1

Тело у собачьей будки

Самый шустрый рыжий котенок забрался на мою немаленькую грудь, пронзительно мяукнул и, оттолкнувшись, прыгнул на одеяло. Его пример вдохновил остальных четырех рыжих зараз, ползающих по узкой кровати, и они полезли на меня. Я всех смела на пол, к рыжей Мусяке в коробку.

Мусяку, сдуру, я пожалела полтора месяца назад и пригрела в своей бытовке. То, что она беременна, я догадывалась, но чтобы настолько! Она окотилась через неделю.

Все наши звериные специалисты, ощупывая персидскую кошку, предрекали не больше трех котят. Ошиблись. Получилось пять рыжих симпатяг, которые поначалу молчали, а теперь нагтели с каждым днем, настойчиво требуя своего ме-

ста под солнцем.

Была возможность поспать еще с полчаса, но тут противно заорали пеликаны. Пеликаны – птицы красивые, большие и громкие. От их ора просыпаются все артисты нашего балагана, и моя любимица – медведица Матильда.

Вставать, как всегда, не хотелось, но не вставать – себе дороже. Пеликаны, по исключительной склочности характера, орать не перестанут, пока не получат свой скользкий завтрак. Минут через десять в мое окно начнет стучать рассерженный Палыч, матерно поминая не только всех моих родственников, но заодно и политиков и олигархов.

Эту программу я знаю наизусть, поэтому благоразумно слезла с кровати, зевая, застелила ее, надела синий рабочий халат и вышла на улицу.

Двухметровый холодильник бытовым электроприбором назвать сложно. Палыч, директор нашего передвижного сумасшедшего дома, купил его в одном из городков, где еле пыхтел трубами оборонный заводик.

Каковы были первоначальные функции огромного холодильника, догадаться невозможно. За три минуты он достигает температуры минус двадцать градусов, а открыть дверцу без особых навыков невозможно.

Еще, как показал опыт, он не тонет в воде, не разбивается при падении из движущегося автомобиля, а месяц назад он выдержал часовую атаку двух пьяных акробатов, которые, не поняв, где находится дверца, пытались вскрыть его с боков,

помня о находящихся внутри четырех бутылках водки.

Подойдя к агрегату, я погладила дверцу, трижды передвинув рычажок блокирования. Выгрузила два плоских ящика с рыбой и четыре килограмма костей с остатками мяса для собак (два килограмма для пяти рыжих шпицев и два для Пусика).

Пусик – охранный пес, живет в собственной будке, в тупичке между холодильником и соседней бытовкой. Помесь дога и сенбернара, отличается огромными размерами и сволочным собачьим характером.

Я взглянула на лежащего пса... Пусик не спал. Он смотрел на меня исподлобья, положив морду на лапы... А рядом с ним лежал человек в светлом костюме.

Меня окатило холодным потом страха. Первая мысль – куда девать труп? Мужчина лежал навзничь на густой траве, прикрытый подстилкой Пусика. Я понимаю настроение собаки, этот убийца мелкой дичи не мог допустить, чтобы у него даже ненужную палку позаимствовали, а тут целую подстилку пытались уволочь.

Пусик, чувствуя свою вину, лизнул руку мужчины. И тут вторая волна ужаса прошла по моему телу. Рука мужчины дрогнула, часы блеснули дорогим сапфировым стеклом. Значит, жив еще, жертва собачьего террора.

Я подошла ближе. Ни крови, ни следов укусов на толстяке в элегантном костюме не наблюдалось. Я аккуратно пнула лежащего тапком в объемную попу.

– Эй, ты жив?

Мужчина вздохнул и повернул голову. На правой полной щеке с красными прожилками отпечатался узор травы.

Скинув с себя подстилку, мужчина попытался сесть. Ноги его не слушались, и он брякнулся на Пусика. Пес не стал откусывать ему голову, а, извинительно взвизгнув, отскочил в сторону. Я ошалело смотрела на него. Вот это да!

Мужчина сел и потер лицо руками.

– А чего со мной сделается?

Сергей сел на траву, потер лицо руками. Справа от него сидел огромный пес, с которым он беседовал полночи, а перед ним стояло существо женского пола в синем рабочем халате. Эта молодая особа явно не расчесывалась в течение последней недели.

– А чего со мной сделается, – ответил он на ее глупый вопрос, жив ли он. – Хочешь денег заработать?

Женщина почесала лохматую голову.

– Сколько?

– А почему не спрашиваешь «за что?».

Та перевела взгляд с собаки на него.

– За что получать деньги, мне почти без разницы.

– Ну и чудненько. – Сергей встал, опершись сначала о землю, затем о пса. – Меня нужно спрятать на несколько дней. У тебя есть где жить?

– Почему он тебя не разорвал? – Женщина сделала шаг в сторону, села перед псом и погладила его. – Пусик, ты поче-

му его не сожрал?

– Э-эй, лахудра, есть где спрятаться? – напомнил о себе Сергей.

Женщина оглянулась, осмотрела нового знакомого с ног до головы.

– Меня зовут Анастасия. Еще раз скажешь «лахудра», будешь прятаться самостоятельно. – Выкинув из большого холодильника на землю две тяжелые коробки, она кивнула на бытовку. – Пойдем.

Сергей зашел за Анастасией в бытовку. В тесном помещении было чисто. В маленькое окно, занавешенное тюлем, било жаркое солнце. Заправленная кровать прикрыта покрывалом. Откидной столик белел аккуратным пластиком. В низкой коробке спала персидская рыжая кошка и несколько котят. Но назойливого кошачьего пуха не было.

– О-о, ты здесь и полы моешь.

– Ты мне тоже не слишком нравишься. – Настя достала из-под кровати большой черный пакет со старыми кроссовками и комбинезоном разнорабочего защитной расцветки. Не очень чистый. – Держи, переодевайся.

Сергей взял комбинезон двумя пальцами, понюхал.

– А постирать можно?

– Постирай. Только не удивляйся потом, что те, кого ты боишься, вычислят тебя с первого взгляда. Носки тоже снимай, рабочий цирка не может быть в шелковых носках за двадцать долларов.

– Двадцать семь.

– Тем более. Часы снял?

– Первым делом.

– Ну, хоть на это ума хватило. Мне пора животных кор-

мить.

Настя прошла к выходу, остановилась.

– Сколько платить будешь?

– Две сотни в день. Думаю, с тебя и этого хватит.

Женщина, глядя в низкий потолок, проворчала: «Угу», и, прихватив с узкой раковины губку, привычно протерла стол-лик.

Сергей расстегнул пиджак и вытащил из брюк темную рубашку.

– Там странный гогот раздается, что за птицы?

Прислушавшись к ору за окном, женщина легко отмахнулась:

– Пеликаны. Бестолковые птицы, не то что Матильда.

– Кошка твоя? – Сергей переодевался, не стесняясь.

– Кошка? Нет. Матильда – это медведица в восемьдесят килограммов веса.

Сергей втянул живот, застегивая брюки комбинезона.

– Маловато весит для взрослого медведя.

Настя развела руки, как бы признаваясь в личной вине.

– Она карлица.

Глава 2

Завтрак в котелке

Я теперь понимаю, почему медведей стараются держать в клетках на улице. Во-первых, у них жесткая и грязная шкура, а во-вторых – запах. Само животное пахнет так, что без маски стоять около него больше пяти минут могут только те, кого это животное кормит.

А уж после того, как медведь выдаст то, что он съел (а ест он много), около него не задерживаются ни владельцы, ни активисты Гринписа. А я – вот она. Я с Матильдой и в светлые для нее моменты кормежки, и в остальные моменты... тоже.

Матильда стояла на задних лапах, вцепившись передними в прутья клетки, и топала. Хотя по медвежьим стандартам весила она немного, клетка раскачивалась, доски пола прогибались, Матильда ревела, требуя завтрака.

– Сейчас, моя девочка. Потерпи двадцать минут, – заворковала я, и медведица, приняв обещание, шлепнулась на толстую задницу.

Пусик, гремя цепью, рыкнул на медведицу. Обойдя ее клетку, он улегся рядом со штабелем дров, наблюдая за мной.

Я растопила уличную «буржуйку», поставила сверху казан с водой и села чистить рыбу для себя, акробатов и этого,

НОВОГО.

Пеликаны, видя мои приготовления, душераздирающе орала, клокотали подклювными мешками и хлопали крыльями в своих клетках, над детским пластиковым круглым бассейном. Они всем видом показывали, что готовы есть и замороженную рыбу. Но этого нельзя делать ни в коем случае, горластые птицы простудятся. И хотя сегодня им еда положена только в обед и поздно вечером, я скормлю им граммов по двести рыбы на клюв, щадя собственные уши и нервы артистов.

Поставив ближе к себе кастрюлю с водой, я складывала в нее очищенную рыбу.

Из своей бытовки, потягиваясь, в драных спортивных штанах и с голым торсом вышел Виталик. Красивый, добрый, пьющий. Герой не моего романа.

– Скоро будет готово? – спросил он всеядным голосом.

– Через полчаса. У тебя майонез остался?

– Не-а. А с кем ты утром разговаривала? – Виталик протестки подмигнул мне. – Или мне показалось?

– Не показалось. Виталь, тут парень на работу попросился, пусть у нас пару дней отсидится? – я спросила для соблюдения «политеса», Виталик мало кому в чем отказывал.

Зевнув, он щелкнул челюстями и уточнил:

– Деньги у него есть?

– На ящик пива хватит. – Я подкинула в костер старую коробку.

- Ты ж знаешь, я пиво пью только при отсутствии водки.
- Будет тебе вечером водка, – щедро пообещала я.
- Тогда ладно, пусть живет.

Виталик потрусил к уличному туалету, хлопая себя по голому рельефному животу и напевая: «Ландыши, ландыши, светлого мая приве-ет...»

Растоптанные кроссовки остановились у «буржуйки», откинув по пути сосновую щепку. Старые, спущенные носки, рабочие штаны защитной раскраски. Руки в карманах, незастигнутая военная куртка, выпирающий живот в шелковой майке, одутловатое лицо непотрезвевшего человека. Сергей удивленно смотрел на меня.

– Ты чего делаешь?

– Завтрак готовлю. Для зверей и для нас. – Я вскрыла вторую коробку с рыбой и оглядела «найденыша». – Тебя же просили полностью переодеться, а ты шелковую майку оставил.

– Не мог же я грязную чужую куртку надеть на голое тело. – Сергей заглянул в котелок. – Ты хочешь сказать, что я тоже буду есть эту рыбешку?

– Конечно, все равно больше нечего. С майонезом очень вкусно. – Я показала ножом на его майку. – Ты когда-нибудь видел разнорабочих в шелковых майках? Сними ее, намочи, выжми и надень мятой. Кран прямо за мной. Или ты пошутил насчет погони?

Мужчина оглядел облезлые бытовки, унюхал стойкий за-

пах помета животных и проводил трезвеющим взглядом Виталика в выношенных спортивных штанах, с дешевым кухонным полотенцем на плече бредущего к водяной колонке.

– Блин, ты права. Не отошел я после вчерашнего. – Он сморщил нос, и указательный палец на правой руке нервно задрожал. – Только я вот это варево не буду. Может, есть буженина или семга?

– Нету буженины. – Я плюхнула в котелок очередную рыбину. – И денег на семгу тоже нет.

Странный мужик. Ведет себя очень уверенно, руки небольшие, холеные. Но вот лицо типичного пьяницы. Глаза осоловелые, щеки в красных прожилках хронического алкоголика. Хотя у богатых такие морды тоже бывают.

– Эй, привет! – Улыбающийся Виталик включил холодную воду в кране и умывался, брызгаясь. – Это тебя Настя на работу взяла?

– Чего ты орешь? – Сергей с мрачной завистью смотрел на спортивное тело Виталика. – Я же прячусь.

– А-а, понял. – Виталик закрыл кран. – Я вот тоже от жены полгода бегаю. – Он слегка вытерся серым полотенчиком и протянул руку. – Виталик. А тебя, слышал, Серегой зовут?

Сергей пожал мокрую руку и начал раздеваться. Н-да, зарядкой он не занимался года три.

Виталик с удовольствием втянул запах вареной рыбы.

– Вкусно. И, представляешь, Серега, в кошельке даже полтинника нет. Майонезик, пиво. – Виталик мечтательно зака-

тил глаза и тут же ласково посмотрел на посвежевшего после холодной воды Сергея. – Обсудим меню?

Мужчины отошли в сторонку, душевно разговорились и к моменту, когда я очистила всю рыбу и вымыла руки, подали мне список с деньгами.

– Вот, надеюсь, донесешь. За сколько обернешься?

Список был длинный, но выполнимый.

– Постараюсь быстрее. Виталь, не забудьте про рыбу, контролируй раздачу.

Глава 3

Магазинный Гена

Я не стала переодеваться в цивильную одежду. Ополоснулась под краном, переменяла синий халат на белый и пошла в магазин. Ближайший был на площади авто- и железнодорожных вокзалов.

Сам автовокзал представлял собой одноэтажный деревянный дом, выкрашенный в темно-зеленый цвет. Перед ним, через круглый скверик с бетонной заросшей сорняками цветочной клумбой, располагался железнодорожный вокзал, здание которого возводилось никак не позже пятидесятих годов.

Целиком площадь со старыми автобусами, с деревенскими тетками в платьях забытых фасонов восьмидесятих годов была еще там, в XX, только торговые павильоны пестрели ассортиментом нового века.

Как только наше шапито прибыло в Городок, из трех торговых павильонов я выбрала самый крупный, и не ошиблась. Его владелец, крепыш Гена, тут же предложил возить партии рыбы, обрезки мяса трех сортов, хлеб, крупу, а также всяческие моющие средства и туалетную бумагу прямо в цирк.

Это всех устроило, и через день в шапито приезжал шофер на зеленой «четверке». Он молча протягивал накладную

со списком привезенных товаров. После разгрузки, которую он переживал, курия в тенечке, протягивал руку за деньгами. Буркнув: «Пока», уезжал. Мы так и не узнали, как его зовут.

С самим Геной у меня поначалу получился небольшой конфликт. Однажды утром я принимала душ. Душ у нас на улице, отгорожен от мира пластиковыми, прозрачными шторками в разноцветных ракушках.

В цирке все ходят полуголыми, такова специфика профессии. На обнаженное тело реагируют только с эстетической точки зрения. И я, не задумываясь о стеснении, массировала голову в пене ароматного шампуня, когда напротив меня в душе встал полураздетый мужчина. Он ошупывал меня и одновременно раздевался.

Из наших, из цирковых, на это никто не мог пойти. Нравы у нас не пуританские, близость не считается особым грехом, но никто никого особо не принуждает. Ощутив рядом чужого, я быстро смыла шампунь.

Передо мной елозил крепыш Гена. Он как раз расстегивал джинсы. Я молча попыталась вытолкнуть парня на улицу, но тот держался крепко. Невысокий, скорее маленького роста, он явно следил за фигурой. Подкачанные мышцы, рельефный пресс, сильные руки.

Гена настроился на близость под душем, необычность обстановки его сильно завела, и отступить он не собирался. Бормоча: «Тебе будет хорошо. Чего ты фордыбачишься, дура? Я человек благодарный...» – и все остальное в таком же

духе. Он уже стянул с себя джинсы – стояло у него так, что хоть ведро с водой вешай.

Я заполошно заорала: «Палыч! Виталя!», завертолетила руками и ногами... И через десять секунд Гену вытащили из душа.

Палыч и Виталик наблюдали, как я вытираюсь большим полотенцем. Гена натягивал на себя мокрую одежду. Я швырнула в Палыча ажурным бюстгальтером.

– Вы чего, мужики? Не могли его сразу от меня оттащить? Виталик и Палыч переглянулись.

– Так мы ж не знали. Ты человек свободный, может, сама захотела...

– Халат подайте, – попросила я, брызгая водой на акробатов. – Наблюдатели.

Гена, понимающий, что ему сейчас набьют морду и будут правы, слушал наш разговор с удивлением. Осознав, что битья не последует, он дождался, когда я уйду в бытовку, и стал жать руки мужикам.

– Будем считать, что ничего не было. Погорячился.

– Как это ничего не было? – Виталик развел руками. – Настя у нас девушка порядочная, многого стоит. Две бутылки водки. А то и три.

– Договорились.

Гена быстро сбегал в свой павильон, принес цирковым две литровые бутылки водки, килограмм одесской колбасы и батон. А мне батончик шоколада с молочный начинкой, кото-

рый я терпеть не могу.

И больше никто этого случая не вспоминал.

Развернув бумажку со списком, я встала перед прилавком павильона. По закону подлости сегодня торговал Гена.

Сделав лицо профессиональной домашней хозяйки, обеспокоенной затариванием холодильника, я пробурчала:

– Мне, пожалуйста, бутылку водки, полкило карбоната, два килограмма копченой колбасы, ведро майонеза, семь бутылок пива, пачку пельменей, три буханки хлеба и коробку шоколадных конфет.

– Разбогатела? – Гена всегда смотрел на меня со снисхождением молодого самца, решившего осчастливить самую серенькую самку своей стаи. – А знаешь, если тебя переодеть в нормальную одежду, ты будешь очень даже ничего. – Он, улыбаясь, выкладывал на прилавок заявленный товар. – Фигура у тебя дай бог каждому. Только духи дерьмовые.

Я молча сложила покупки в пакеты. Мои «духи» состояли из запаха медведицы, птиц, собак и туалетного мыла «Дав», которое усугубляло запах всего остального.

Гена продолжал со мной заигрывать.

– Помочь донести?

В павильончик заскочил запыхавшийся молодой парень с газетой в руке.

– Гена! Извини, что опоздал на работу, новости местные смотрел. Держись за кассу, Гена! Петечку замочили! – Парень кинул газету на прилавок и уставился на мой белый ха-

лат. – У нас что, санэпидемстанция или мышей травим?

– Не напрягайся, Вася, это свои. – Гена развернул газету. – Кошмар какой. «Множество подлых выстрелов в голову заместителю директора обувной фабрики, сильно контужен охранник...» Так, это понятно. «Заказное убийство в нашем Городке – не начало ли это криминального передела сфер влияния?..» Ну, это они круто замахнулись, на что у нас влиять, кроме помирающих совхозных молокодоилен?

«...Охранник ранен, госпитализирован...» Да, ребята, и это в нашем тихом городе! Вот так, Настя, и до нас добралась криминальная революция. Дождались. А ведь Петечка Животинкин, который заместитель директора, мне братом был, троюродным. Значит, в ближайшую неделю с родственниками буду общаться.

Гена дальше читал передовицу на разные голоса, не то действительно переживая, не то слегка издеваясь над случившимся. Меня несколько удивило его спокойствие. Василий гораздо ближе к сердцу воспринял нападение на фабричное руководство.

– А убийца-то по городу разгуливает! – Глаза у парня возбужденно блестели. – В городе операция «Перехват». Убийца, говорят, специально приехал из Москвы.

– Кто говорит? – Гена оторвался от газеты. – Здесь ничего не написано.

– Люди говорят, – убежденно настаивал продавец.

– Васька, вставай за прилавок, мне срочно нужно бежать

по родственникам.

Гена выскочил из павильона, на ходу уверенно хлопнул меня по попе.

Напротив продуктового павильона стоял газетный ларек. Две тетки, мешая друг другу толстыми задами, в полный голос обсуждали с киоскершей щекочущую нервы новость.

Мне пришлось их подвинуть, чтобы скупить все местные газеты.

В скверике, на старой лавочке у бетонной цветочницы, скучали двое накачанных парней в дешевых спортивных костюмах. Они курили и посматривали по сторонам. Ясно было, что они никуда не спешат, и их интересуют молодые мужчины. На «голубых» парочка не тянула.

Значит, отлов ведет не только милиция.

Как раз в этот момент на площадь заехала патрульная машина, сделала круг почета и скрылась. Парочка усиленно рассматривала сорняки на клумбе. В машине их заметили, но сделали вид, что лавка пустая.

Глава 4

Непонятки

Около «буржуйки» сидел полуодетый Виталик, шкрябал по дну котелка ложкой.

– А мы с твоим протеже уже позавтракали, – сыто доложился он и отставил котелок.

– Он что, простую вареную рыбу ел? – удивилась я.

– Сожрал за милую душу, без хлеба и майонеза.

– А птицы? – Я оглянулась на молчавший детский бассейн.

– Птицы в ажуре. Чего вкусенького принесла? – Виталик вскочил, взял тяжелые пакеты, заглянул внутрь. – Здорово, приятно глазу. Жалко, я про ананасы забыл, в собственном соку.

– А как бы я их донесла, Виталя? – Его жадный взгляд заставил меня напрячься. – Отдай пакеты, жрачка не твоя, на чужие деньги куплена.

– А пиво? – по-клоунски переигрывая, обиделся Виталик.

– Пиво придется обрабатывать. – Я сделала лицо мачехи из сказки «Золушка». – Свари мясо, отдели его от костей, покорми шпицев, добавив в мясо витамины, а все, что останется, скорми Пусику и Матильде.

– Садистка. – Виталик притворно вздохнул. – Ну, хотя бы одну, для затравочки.

– Как ты репетировать будешь?

– С песней! – Виталик достал бутылку, в секунду открыл и, прихватив ящик с разморожившимся мясом, пошел, приплясывая, к медвежьей клетке. – «Ландыши, ландыши...»

Я поспешила в свою бытовку.

Сергей смотрел телевизор, на меня даже не оглянулся. Я кинула купленные газеты на стол и, распределяя продукты в своем маленьком холодильнике, начала негромко говорить, наблюдая за реакцией успокоившегося мужчины.

– В городе громкое убийство. По улицам ездят милицеские машины. Спортивные парни контролируют вокзал.

Спина Сергея напряглась. Он медленно взял газету... Лицо его изменилось, он бледнел, читая текст.

– Я его не убивал. Не убивал, понимаешь. И в охранника не стрелял, я его бутылкой оглушил. Я на всякий случай решил пару дней отсидеться, посмотреть... Обдумать... Ну, что ты молчишь? Сдавать меня пойдешь?

Мне показалось, он задрожал от страха. Я пожала плечами.

– С тебя пять сотен в день. За риск.

Сергей отбросил газету, вытер со лба пот обеими руками и закрыл лицо.

– Спасибо.

Я села на кровать.

– Кто же тебя так подставил?

– А? – Сергей поднял голову. – Не знаю. Знаешь, что

странно? В газетах написано, что пропали деньги.

– Там были деньги?

– Да. Много. Тысяч сто. Или больше, не знаю. И в рублях, и в валюте.

Я села на стул. Мне стало еще интереснее.

– И где же деньги?

– Не брал!

Глава 5

Первая версия произошедшего

Бывают, бывают в жизни стечения обстоятельств, после которых остается хвататься за голову и спрашивать себя, глядя в зеркало или в кусок треснувшей жизни, – как же это меня угораздило?

Несколько лет подряд Сергей спокойно ездил в Городок, сдавал налик тетке с классическими данными провинциальной главной бухгалтерши – пятьдесят четвертого размера и пятидесяти лет. Правда, в последние месяцы ездил не он, а кто-нибудь из заместителей. Но захотелось прогуляться, погреться под среднерусским солнышком.

Позавчера, завернув семнадцать тысяч долларов в полиэтиленовый пакет, он привычно собрал сумку с вещами. Мама отпустила спокойно, а вот дочь, как предчувствовала, повисла на шее и просила без нее не уезжать.

Дочку Сергей любил не просто как нормальный отец любит ребенка, но еще и жалея. Оленька в четыре года попала под мотоцикл и с тех пор хромала.

С женой, периодически погуливающей то с начальником на работе, то просто с первым попавшимся в кино или в ресторане мужчиной, он развелся несколько лет назад. После аварии Сергей сторговался с женой на пятидесяти тысячах и за месяц оформил регистрацию установления отцовства.

Взяв билет в СВ, Сергей надеялся избежать говорливых и пьющих соседей. Зря надеялся. Обычно в полупустом, из-за дороговизны билетов, вагоне на этот раз свободных мест не оказалось. Попутчик попался на редкость компанейский. Общения хватило до утра и на три бутылки водки.

Утром Сергей шагнул из вагона на платформу с острым желанием забраться по горло в бочку с холодным пивом.

Примерно в то же время Петр Животинкин (за злобность характера и мелкую подловатость в миру называемый Петечкой) ехал на работу на старой модели «Ауди». Петечка клял всех пешеходов, водителей и свою разыгравшуюся язву. Взяв зазвонивший телефон, он взглянул на определившийся номер.

– Привет, братан. Они меня убьют.

– Ты деньги забрал? – Голос в трубке был, как всегда, строгим и равнодушным.

– Забрал... документацию тоже. Теперь мне совсем страшно.

– Перестань ныть, квашня. Я зайду вечером.

Петечка кинул телефон на бардачок.

В офисе Животинкин наорал на охранника, что-то буркнул секретарше, напился лекарства и ждал, когда пройдет тягучая боль в желудке. Сообщение о том, что кассирша на сегодня отпросилась, а бухгалтерша весь день пробудет в банке, разозлило его так, что язва сама закрылась и замолчала.

Петечка позвонил своему начальнику Сиге, пожаловался на язву и бухгалтерию. Сига попросил не волноваться, один день и без бухгалтерии можно поработать, только не нужно пренебрегать святым действием – принятием денег.

Через минуту к нему в кабинет ввалился Сергей. Потный, в старых джинсах и в мятой футболке, он начал выкладывать на стол деньги. Петечка с ненавистью взглянул на доллары.

– Мы вчера давали телефонограмму по всем филиалам, что принимаем оплату или в рублях, или в евро!

Сергей поднял красные глаза на желчного Петечку, устало достал из сумки бутылку пива, открыл и стал жадно пить, введя Животинкина в ступор.

– Вы чего себе!.. П-позволяете!

– Пиво будешь? – спокойно спросил Сергей, выставив на стол вторую бутылку.

Петя почувствовал, что его сейчас же, немедленно вырвет от отвращения. И к пиву, и к этому самодовольному мужчине в аромате утреннего перегара.

– А ну, пошел отсюда вон! – он хотел добавить «алкоголик», но его смутила очень простая футболка за двести долларов и платиновые часы за пять тысяч евро.

– Слушай, – Сергей сделал еще несколько глотков и сел удобнее. – Чего ты разорался? Я привез тебе деньги. Ну, не тебе лично, на фирму. Деньги реальные, не фальшивые, в срок и без налогов. Ты их возьми, парень, и не выпендривайся.

– Я отказываюсь вас обслуживать. Идите проспитеесь и возвращайтесь после обеда, – визжал Петечка.

– Значит, денег не возьмешь? – Сергей прикрыл нос, сдерживая отрыжку.

– Нет! – Петя сел, откинувшись в кресле. – Можете жаловаться, уверен, директор меня поддержит, он тоже за здоровый образ жизни.

Сергей помнил директора. Молодой парень, типичный «белый воротничок» с хорошим образованием в третьем поколении, любил поговорить о подводном плавании, вреде табака и алкоголя в больших дозах, но в обувной фурнитуре, как ни странно, разбирался хорошо.

Сергей решил не напрягать здешний дружный трудовой коллектив, уйти отоспаться и сдать деньги во второй половине дня.

Но, как верно подмечено в народе, неправильный опохмел ведет к длительному запою.

Дойдя до ближайшей гостиницы, Сергей принял холодный душ. Терпел минут пять, потом выскочил из ванной. Стало прохладно, а кондиционер продолжал гнать почти зимний воздух. Сергей испугался за свое здоровье. Он спустился в бар за пивом, но, не выдержав, пропустил пару рюмок водки... А через час еще три.

...И явился для расчетов на фабрику за пятнадцать минут до ее официального закрытия.

В пятницу работу на фабрике заканчивали на два часа

раньше, Петечка задержался дольше всех, разбирал важные бумаги и тяжело вздыхал.

Пьяные шаги в приемной ввергли его в ужас. Он спешно закинул бумаги в сейф.

При виде счастливого полупьяного Сергея Петечка, проглотивший вместо обеда бутылку «Альмагеля», позеленел.

Сергей плюхнулся на стул.

– Ну что, будем брать бабульки? Или мне их на благотворительность отчислить? Здесь семнадцать тысяч. Доллер в доллере. Давай квитанцию на получение товара.

Сергей опять вывалил из сумки горку мелких купюр. Если утром они были хотя бы в пачках, то теперь лежали мятой россыпью.

Ослабив галстук, Петечка быстро рассортировал деньги, скромно приоткрыл сейф и кинул туда получившиеся три пачки. Услышав бульканье пива, обернулся.

– Вы... вы неправильно себя ведете.

– Это почему же? – удивился Сергей. – Почему неправильно? У меня выходные. Я в командировке, могу позволить себе принять немного. Между прочим, я свои собственные бабки вкладываю в обувное производство, а ты сидишь на мелкой должности и корчишь из себя крутого деятеля.

Петечка, начавший выписывать приходный ордер, отбросил ручку.

– Я не корчу, я заместитель директора. Уже год. В нашей фабрике у меня тридцать пять процентов. Понял? А теперь

иди вон. Протрезвешь, поговорим.

– Круто, – снисходительно похвалил Сергей.

И тут Животинкин, гордый своим сообщением, наклонился слишком близко к Сергею и просипел:

– Так что не фигу здесь выпендриваться, лох московский. Могу купить тебя и всю твою московскую шарагу, которую ты называешь обувным цехом, алкоголик.

Понятное дело, Серега не стерпел. Он даже не осознал, насколько быстро бутылка пива оказалась в левой руке, а правая сжалась в кулак и врезалась в сальную скулу рыхлого Петечки.

Животинкин опрокинулся на стол, некрасиво дернул ногами и затих. Серега отхлебнул пива и задумался. На помощь заместителю директора никто не спешил.

Сергей встал, чтобы потрогать пульс на шее Петеньки. Жирдяй дышал. Его, конечно же, нужно было приводить в чувство, но уж очень не хотелось лезть в разборки на похмельную голову.

Взгляд Сергея зацепился за качающийся брелок. Брелок сверкал на связке ключей в замочной скважине сейфа. Сергей целомудренно отвел взгляд. А брелок продолжал медленно покачиваться. Только из любопытства, из профессионального любопытства к успехам однопрофильной фирмы Сергей решил мельком глянуть внутрь сейфа.

Тяжелая дверца открылась без скрипа. Внутри плотными рядами лежали пачки долларов. Три пачки Сергея, небрежно

кинутые поверх основной массы, смотрелись сиротливо.

Сергей решил свои деньги забрать. Зачем? А фиг его знает. Сейчас рукой двигал не разум, а три литра пива, наложенные на двести граммов водки, полирующие вчерашние семьсот пятьдесят.

Ему, скорее всего, стало обидно, что Петечка его хотел «опустить». А раз его деньги не нужны, значит, пора рвать отношения со здешней фабрикой.

Смахнув пачки в сумку, Сергей захватил еще накладные и стопочку чужих денег. Хотел положить обратно... но в кабинет вошел удивленный охранник. Оценив лежащего в кресле Петечку, открытый сейф и сумку в руках Сереги, он задал необыкновенно умный вопрос.

– А что это вы тут делаете? А?

– Пиво пью, – не растерялся Сергей.

– А с Петечкой чо? – Охранник замер в дверях и действий никаких пока производить не собирался.

– Не видишь, в обмороке. – Сергей допил бутылку и, не выпуская папки, поставил бутылку у стола. – Пиво будешь?

– На работе не положено, – заученно ответил охранник и достал телефон из кармана, ни на секунду не допуская, что Сергей может быть опасен. – Начальству, Сигизмунду Семеновичу, позвоню, проконсультируюсь.

– Совсем дурак?

Сергей сделал два шага и, скупно размахнувшись, опустил бутылку на голову охранника. Он молил Бога, чтобы выдер-

жал череп и ему не пришлось брать грех на душу. Череп выдержал, охранник осел на пол.

Сергей кинул в сумку горлышко разбитой бутылки, пустую тару из-под пива, усадил Петечку плотнее в его кресло, протер отпечатки пальцев и выскочил из кабинета.

Вжав голову в плечи, Сергей прошел по пустому коридору. На проходной никого не было.

Выйдя с завода, он почти бежал вдоль длинного забора.

Завернув за угол, увидел молодого мужчину, пересекающего улицу по направлению к проходной. Сергей прибавил шагу и за пятнадцать минут добрался до гостиницы.

Глава 6

Запой на брудершафт

За стойкой администрации сидела дама, утром прописавшая Сергея в гостиницу. Она разговаривала по телефону, дежурно улыбаясь постояльцу.

Сергей поставил у ног сумку и сказал шепотом:

– Ее муж засек меня в квартире...

Администраторша прикрыла рукой трубку.

– В смысле?

– Он на день раньше приехал, – Сергей вздохнул и нагнул-ся к стеклу ближе. – А я специально из Москвы примчался, подарков ей навез.

Администраторша извинилась перед кем-то, отключила мобильный и смотрела на Сергея с неотрывным вниманием. Тот облокотился о стойку.

– Единственная приличная гостиница в городе – ваша. Правильно? – администраторша согласно кивнула. – Если ее муж примчится сюда и проверит, кто сегодня или вчера поселялся, то найдет мои данные. Правильно?

Женщина опять согласно кивнула, но тут же отрицательно замотала головой:

– Нет. Я не дам.

– Вы – нет. Он директора уговорит.

Администраторша улыбнулась:

– Это вполне может быть.

– Предлагаю свой вариант, – Сергей выложил на стойку сто долларов. – Меня здесь не было.

Дама в долю секунды смахнула купюру к себе и зашуршала бумагами.

– Давай квитанцию.

Сергей вынул из кармана светлого пиджака бумажку.

– Вот. Но мне нужно забрать вещи из номера, ключ дайте.

– Ключ не трогай, а то пустую ячейку увидят. Пойдем, у меня есть запасной.

В номере Сергей быстро побросал в большую сумку вещи и парфюмерию. У женщины зазвонил телефон.

– Алло... Да... Да... Иду. – Она сложила телефон. – Слышь, парень, вылезай в окно, по твою душу уже приехали. Директор позвонил, сказал, что какой-то Иван с обувной фабрики спрашивает о поселившихся москвичах.

– Спасибо, большое спасибо. – Сергей перехватил сумки в левую руку, открыл окно, залез на подоконник и спрыгнул на длинную клумбу с буйно цветущими георгинами.

Куда деваться бедному грабителю? Тем более когда страшно? Насмотревшись криминальных сериалов, Сергей был уверен, что вокзалы – железнодорожный и автобусный – перекрыты. Ловить частника до большого города опасно, по трассе могут пустить автоинспекторов. Можно доехать до ближайшей деревни, но что там делать? Каждый новый человек на виду.

Сергей пересек двор между двумя типовыми пятиэтажками. Хотелось пить.

В ближайшем магазине выбор пива был невелик, большую часть занимали бутылки местного производства. Напиток – так себе, но приятно удивляла низкая цена.

Сергей поставил перед прилавком сумки, оплатил две бутылки и открыл одну. Вливая в себя крепкое пиво, он заметил, с какой жадностью за его глотательными движениями наблюдает мужчина. Столько в его взгляде было завистливой жажды, что Сергей не выдержал и протянул ему вторую бутылку. Мужчина колебался.

– Бери, мужик, сам в твоём состоянии бывал не раз, понимаю и сочувствую. Бери.

Мужчина благодарно улыбнулся и взял бутылку двумя руками. Он попытался открыть ее, но руки слишком дрожали. Бутылка выскользнула и взрывным звуком разбилась на кафельном полу. Отчаяние мужчины выплеснулось в каком-то детском всхлипе. Он виновато смотрел на Сергея, на продавщицу, осуждающе качающую головой.

– Откройте ему новую бутылку. – Сергей кинул на прилавок полтинник. – И мне тоже.

– Мужик... Ты человек. – Чуть ли не плакал тот от умиления.

Он вытер ладони и, ухватив поданную продавщицей бутылку, начал пить с жадностью верблюда после недельного загула по пустыне.

– Слушай, – Сергей оценивающе оглядел интеллигентного пьяницу. – Ты знаешь, где здесь можно культурно посидеть, к кому в гости завалиться?

– Ко мне, – на выдохе ответил мужчина. – Моя с детьми на дачу позавчера укатила, я и сорвался. Через полчаса после ее отъезда начал, вчера продолжил и сегодня думал – не выживу. Деньги-то кончились.

Сергей отдал мужчине одну из своих сумок, сам подхватил вторую и два пакета с бутылками.

– Пошли.

Пили до глубокой ночи.

Дима, пригласивший к себе в довольно уютную квартиру незнакомца, жаловался на свое пристрастие к зеленому змию, признавался в любви к жене и детям, клялся, что вскоре победит алкогольную зависимость. Сергей пустил скупую мужскую слезу и признался в том же грехе.

В четвертом часу утра Дмитрия потянуло на простор. Он решил показать гостю родной город. Сергей прихватил сумку с деньгами и отправился осваивать Городок.

Первую остановку они сделали у ближайшего павильона «Пиво – воды». Решили, что не будут пить водку, и так последствия слишком неприятные, а нужно взять еще пива или легкого вина. В результате взяли и вина, и пива, и водки.

Как они добрались до цирка и куда делся Дима, Сергей не ответил бы и испанской инквизиции. В воспоминаниях

остался только разговор с собакой. Сергей сидел в обнимку с огромным Пусиком, вещал ему о своей жизни, лез целоваться, и Пусик его успокаивал.

Сумку Сергей спрятал. А большая, с вещами, осталась у Димы. Но вот где тот Дима живет... Вспомнить, конечно же, можно, но придется так же напиться, а здоровья на вторую пьянку подобного размаха уже не осталось.

Глава 7

Мое вынужденное участие

В бытовке было жарко. Пушистая Мусяка вылезла из коробки с котятами мокрая, встала передо мной и заорала: «Мяу!» У нее просто талант орать невыразимо противно. К тому же вопит она до последнего, то есть до тех пор, пока ее не накормят.

– Вы вареную рыбу кошке оставили?

Сергей, вошедший за мной, удивленно посмотрел на меня.

– Какая рыба? А, нет, не оставили. Слушай, Настя, я так понимаю, что Петечку грохнули из-за денег и доли в бизнесе, а это не куриный чих. Но почему охранника не дострелили?

Я достала из холодильника «Китикет» и выложила в кошачью миску.

– О бедной девочке никто не подумал. – Мусяка влезла в миску плоской мордочкой, но на секунду отвлеклась, дожидаясь, когда я поглажу ее. Я дотронулась до рыжей шерсти и встала перед своим постояльцем. – Сергей, у тебя совсем крышу от водки снесло? А кто тебя как убийцу опознавать будет? Тот самый охранник.

Взгляд Сергея уперся в пол.

– Правильно. Значит, он единственный, кто видел настоящего убийцу.

Я поставила банку «Китикета» обратно в холодильник.

– Не обязательно. Петечку могли пристрелить, пока охранник валялся в бессознательном состоянии. Но за тебя, как за виновного, он проголосует в любом случае.

Сергей внимательно смотрел, как Мусяка ест, тихонько чавкая. Персидские кошки едят не спеша, не жадно. Я с умилением наблюдала, думая, что и Сергей проникся зрелищем, а он сильно схватил меня за руку и задышал в лицо перегаром и рыбой.

– Слышь, Настя, помоги мне, заплачу. Десять тысяч долларов.

Я отцепила его руку от своего локтя.

– Сергей, ты мне можешь не верить, но честно... мне не нужны десять тысяч. То есть такие деньги никогда не помещают, но я запросто могу без них обойтись.

– Понял... Ты не знаешь, что с такими деньгами делать, – опечалился Сергей.

Я не стала его переубеждать. Не верит человек, ну и не надо. Не рассказывать же ему, что денег у меня немного больше, чем у него, только сейчас мне не до них. А Сергей вцепился в меня сразу двумя руками.

– Без посторонней помощи мне из города не выбраться. В Москве я бы смог нанять адвоката и частного сыщика. Мне только нельзя быть арестованным. Я сидел два года. Давно.

– За что? – не очень активно поинтересовалась я.

– За драку. Поножовщина. Помоги мне, Настя. Ты не ду-

ра, и ты незаметная, ты везде пройдешь. – Сергей говорил, не понимая, что обижает меня, но я стерпела. Ему сейчас гораздо хуже. – Если тебе не нужны деньги, то помоги мне хотя бы ради моей дочери. Жену, эту блядь, бегущую в койку к любому мужику, вспомнившему ее номер телефона, я выгнал. Теперь живу с мамой и дочкой. Ей восемь лет, и она хромая. Понимаешь, пока я жив, у нее есть надежда на хорошую операцию. Ты не представляешь, как дорого сейчас стоят операции.

Сергей тряс меня, заставляя согласиться.

– Хорошо! Я вызову из Москвы следователя. Человек он надежный и даже честный.

– Мент? Другого никого нет?

Сергей опустил руки и сморщился. Я встала перед ним.

– А какая тебе разница, Сережа? Да хоть негр голубой ориентации с привычкой плевать жеваным табаком. Мой знакомый поможет, и это главное. Деньги заплатишь ему.

– Спасибо... – Сергей безнадежно махнул рукой.

А я увлеклась идеей, потянула его за лацкан застиранной рабочей куртки.

– Я тебе точно говорю, что он поможет... Надо подумать... Слушай, а куда ты мог уехать помимо Городка? Есть возможность предупредить на работе и дома, что ты в каком-нибудь другом месте или в поход туристический махнул.

Сергей тяжело сел на мою кровать, достал из коробки сон-

ного котенка и гладил его толстым пальцем.

– Полночи вчера об этом думал, пока окончательно мозги не залил. Бухгалтер моя еще неделю будет на даче болеть, то есть пропалывать огород и ягоды собирать. Маме соврать ничего не стоит, она во все верит. А вот секретарша и заместитель... Хотя попробовать стоит. Сейчас я тебе телефоны запишу... Подожди, но звонки вычислят моментально.

Сев рядом, я переложила рыжего котенка в коробку.

– А я с местной почты позвоню. Пока вычислят, пару дней пройдет, а то и все три. Не скажу, что каждая минута, но каждый час времени работает на нас.

Сергей написал телефоны и подал мне бумагу.

– Слушай, Настя, а что мне эти дни делать? Я ведь от ожидания и со скуки с ума сойду.

– Тоже мне проблема. – Я положила записку в карман халата. – Иди к нашему директору, Виктору Палычу, он тебе в момент дело найдет.

Сергей не знал, почему я согласилась ему помочь, – он мне на душу не лег, но вот хромая дочка... Я сама с пяти до двадцати семи лет была инвалидом – не сгибалась левая коленка, и тело перекашивалось при ходьбе, грозя годам к пятидесяти наградить многочисленными хроническими болячками от смещения органов.

Но мне повезло. Чуть меньше года назад на меня свалилось наследство, и я сделала операцию на колене. Действительно, операция очень недешевое удовольствие.

Глава 8

Звонок в прошлую жизнь

У меня нет телефона. Принципиально его не покупаю. Родители и подруга знают, что я жива-здоровая. Их звонки мне не нужны, я не хочу слушать их вопросы и оправдываться за побег из привычной жизни. А те, с кем я общаюсь, находятся на расстоянии шепота или крика.

Так что звонить в Москву я отправилась на почту.

На почте-телеграфе работали все три окошка, но людская очередь впечатляла. Люди тосковали, переминаясь с ноги на ногу, все стулья были заняты, и даже на подоконниках дремали загорелые жители соседствующих государств, желающие дозвониться до родины. Мне предстояло провести здесь не меньше двух часов.

Поправив воротник белого халата, я, «не замечая очереди», с серьезным видом постучала в прозрачную пластиковую перегородку. Ровный гул присутственного места затих, человек двадцать обернулось в мою сторону, но белый халат и мое спокойствие, убедили нуждающихся в почтовых услугах, что я «имею право».

Женщина, ксерокопирующая документы, подняла голову.

– Общественный вопрос, – сказала я неопределенную фразу и протянула сложенный вдвое бланк. Та нехотя взяла его, развернула. – Срочный звонок в Москву. Можно по

двойному тарифу. Мне наш директор разрешил тратиться.

Почтовая работница, не меняя выражения лица, положила бланк с моей сторублевкой в карман.

– Надо – значит надо. Проходи, из кабинета позвонишь.

Я прошла через зал, где паковали бандероли и приторно сладко пахло горячим сургучом.

У сотрудниц мой белый халат любопытства не вызвал.

В тесном кабинетике женщина, оказавшаяся, как следовало из таблички на двери, заместителем начальника почтового отделения, села за желтый конторский стол и придвинула мне телефон.

– Звони через код, как человек.

По первым двум телефонам я уверенно-равнодушным голосом отбарабанила заранее обдуманый текст.

– Телефонogramму примите, пожалуйста. Сергей Трофимович Калашников на объект прибыл вовремя. Сейчас для отработки нового контракта находится в зоне недоступности телефонного звонка. О времени прибытия в Москву сообщим дополнительно.

Секретарша послушно записала мое сообщение, а я слыша, как она набрала воздуха, чтобы задать мне вопросы, быстро положила трубку.

По домашнему телефону я сказала то же самое. Пожилая женщина стала меня убеждать, что она все поняла, и Сереженька может не волноваться. Если нужны деньги, она их вышлет по любому указанному адресу.

Я вежливо с ней распрощалась, уверяя, что Сергей чувствует себя отлично и в деньгах не нуждается.

Следующий звонок должен был стоить мне тех самых нервных клеток, которые не восстанавливаются. Я звонила в другую, прежнюю, жизнь.

Каждый гудок заставлял замирать сердце. Раз, два, три, четыре, пять...

– Алло, – весело отозвался женский голос.

– Мила, здравствуй!

Раздавшийся вопль заставил подпрыгнуть женщину напротив, все двадцать горшков с цветами на подоконнике и оглушил мое правое ухо.

– Настя!!! Зараза!! Уродина! Наконец-то! Поганка ты съедобная! Радость моя ненаглядная! Мама твоя с ума от беспокойства сходит.

Я прикрыла трубку рукой и улыбнулась сидящей напротив женщине. Та поиграла бровями, показывая, что она и не такое слышала.

Мила продолжала перечисление эпитетов, я перебила ее:

– Мила, у меня все в порядке и очень нужен Ладочников. Не подскажешь его рабочий телефон?

– На кой ляд тебе его рабочий, если он четвертый день сидит перед телевизором, отпуск отгуливает? – Мила трещала скорострельной пулеметной очередью, только с громкостью противотанкового орудия. – Представляешь? На юга у нас денег нет, а на нашу дачу он ехать отказывается из-за моей

мамы. Говорит, что впервые в жизни понял, что анекдоты про тещу не анекдоты, а суровая правда жизни. А твоя собачка Стерва скоро оценится!

Голос подруги ранил душу воспоминаниями. Но я зажала эмоции в кулак и сделала голос строгим.

– Мила, я счастлива тебя слышать, но позови, пожалуйста, Ладочникова.

– А когда ты приедешь? У тебя депрессия прошла? А я тут с твоей мамой разговорилась, и она разрешила нам побыть с Вовочкой на вашей даче.

– Мила, я звоню с рабочего телефона, мне дали только три минуты, – сказала я еще более строгим голосом, прерывая поток Милиного словоизвержения... но не помогло.

– Насть, а помнишь, я у тебя в начале зимы спортивный костюм попросила? Так он сносился весь, можно я тебе его не отдам?

– Не отдавай. Мила, зови к телефону Ладочникова, мне срочно...

Заместительница начальника, делавшая вид, что листает журнал учета, махнула пухлой дланью.

– Да говорите сколько вам надо, не лимитировано.

Я опять прикрыла трубку рукой:

– Рекорд моей подруги составил шесть часов, и, заметьте, это был международный звонок. – Я убрала с трубки ладонь. – Мила, солнышко мое говорливое, дай мне Костю, есть возможность заработать денег.

– ...И тогда моя мама твоей маме эту рассаду... Какие деньги?

– Приличные. Ты зовешь его?

Видимо, Ладочников давно бил копытом у телефона и, дождавшись секундного замешательства Милы, отвоевал трубку.

– Привет, Настена. Что случилось?

– Пока ничего особенного. Тут один человек помощи просит, деньги предлагает. – Я скосилась на почтальоншу, и она смотрела на меня с возрастающим интересом. – Помощь нужна именно твоя, профессиональная.

– У тебя телефон прослушивается, или вокруг ненужные уши есть?

– Второе. Приезжай первым же поездом, если, конечно, есть возможность.

– Считай, Настена, что я уже выехал. На всякий случай записываю адрес.

– Нет, Костя, адрес не надо, я тебя на вокзале встречу.

Распрощавшись с Костей, я положила трубку и протянула женщине еще сто рублей. Та положила их и с прищуром оглядела меня внимательнее.

– Ты где работаешь-то?

– В цирке, – со вздохом ответила я.

– Ну, не хочешь говорить, не надо.

Глава 9

Убеждения Палыча

Директор шапито Виктор Палыч жизни вне цирка не представлял. Он просто не понимал возможности существования в скучной обыденности. Сын его, Виталик, воспитывался, как и большинство детей в цирковых династиях, на манеже и полностью разделял мнение и мировоззрение отца.

Палыч ни секунды не сомневался, что Сергей попросился работать в шапито из любви к искусству. Частенько бывало, что бывшие цирковые, ушедшие на более спокойную работу или уволенные по различным причинам, нанимались на неделю-другую в шапито разнорабочими – вспомнить молодость, вдохнуть запах цирка.

Акробаты, велосипедисты, жонглеры и вообще все, кто был задействован в программе, репетировали все время, не занятое выступлениями, сном и едой. Жара, длившаяся вторую неделю, конечно же, мешала. Плотные клеенчатые стены балагана, даже подогнутые снизу для вентиляции, пластиковые ряды стульев и пыльные паласы арены, делали серьезные репетиции невозможными. Не хватало нормального воздуха. Артисты перебирались на улицу.

Справа от входа сверкал семью булавами худющий Аркаша. Его жена Даша гоняла по бревнам пятерых крохотных спицев.

Ольга-кордебалет заставляла девочек тянуть носок, держать спинку и не обращать внимания на мужиков-козлов, повадившихся в последние дни ходить на репетиции и пускающих слюни на их фигурки, фактически ничем не прикрытые.

Увидев меня, Ольга махнула своим девочкам, и те накинули халатики до пупка.

– Настя! Пойдем пеликанов дрессировать.

На руке Ольги багровел внушительный синяк и рядом несколько маленьких. Горластые птицы, если делать неправильный жест, начинали щипаться. Только вот какие именно жесты их раздражали, мы пока понять не могли.

– Ты, Насть, не забыла, что их сегодня не надо было много кормить, иначе работать не будут?

– Не забыла. А где новый разнорабочий?

Три девушки хихикнули, а Ольга показала длинным пальцем в сторону манежа.

Я заглянула в балаган. Сергей, стоя на коленях, оттирал бордюр щеткой, часто макая ее в ведро с мыльной водой.

Палыч сидел на ступеньках, размахивал жареной куриной ногой и разглагольствовал.

– Цирк, мой дорогой, это все. Еще Ленин, который Владимир Ильич, говорил, что кино и цирк, заметь – и цирк, при поголовной безграмотности населения, являются важнейшими искусствами для народа.

Сергей от неожиданности нового прочтения цитаты ото-

рвался от чистки бордюра. Палыч довольно покивал головой.

– Да-да, это точная цитата, которую шестьдесят лет доготавливали только наполовину. А эстрада! Смешение стилей театра и цирка ее и породило! Артисты театра подрабатывали в цирке, и наоборот. Отсюда выросли пародисты, куплетисты, пантомима... И мюзиклы! Даже Маяковский участвовал в создании прологов и реприз. В цирк пришел профессиональный оркестр, артисты цирка со слухом и голосом решили реализовать себя, подтянули театральных актеров, умеющих петь, и – вперед, возникли мюзиклы! Понимаешь, Серега?

Сергей снял куртку, оставшись в мятой майке.

– Насчет мюзиклов я бы поспорил...

– А вот и не надо! – Палыч потряс куриной костью. – Я пятьдесят лет в цирке, хорошо эрудирован...

– И поэтому можете убедить всех, – Сергей встал и кинул в ведро щетку, – что цирк – родина слонов.

– ...Я обиделся, – Палыч притворно насупил брови. – Вымоешь еще два ряда стульев.

В шапиту забежала одна из собачек Даши, молча и высоко подпрыгнула к куриной ноге в руке Палыча, оторвала последний кусок мяса и бодро усвистала из балагана.

Палыч отнесся к воровству философски.

– Вот так и живем.

Глава 10

Цирк как вид жизни

Вчера, в понедельник, в цирке был выходной, но все равно шли репетиции, хоть и в облегченном варианте. Чинился реквизит, кормили зверей, ремонтировали шапито. Во вторник, среду и четверг представления давались один раз, в семь часов вечера. В пятницу выступлений было два – днем и вечером. В субботу и воскресенье представлений было четыре, первое в десять утра, а затем каждые три часа.

Сотни раз я наблюдала, как цирковые готовились к своим номерам, как переодевались в блестящие костюмы и изменялись внешне и внутренне. В них появлялась нервность, называемая куражом. Предощущение личного праздника «заходило» их. Если человек не был настроен работать, он не вписывался в общий ажиотаж.

Палыч ежедневно отсматривал каждый номер.

– Сальто нормальное, а тройной фляк у тебя рыхлый! – орал он на сына, и Виталик чувствовал себя несчастным.

– Как ты спину держала, корова толстая! – шипел он на Ольгу, которая при росте в сто семьдесят пять сантиметров весила от силы пятьдесят килограммов.

Зато, когда он похвалил Дашу за новый удачный трюк с собачками, дрессировщица на радостях перекормила крохотных шпицев, и они сутки спали, отказываясь выступать

на манеже.

Сегодня вечером в репертуаре, как всегда, были акробаты, икарыйские игры, велосипеды, использующиеся не по прямому назначению, жонглирование, фокусы, кордебалет с пеликанами и клоун Володя с медведицей Матильдой.

Володя, пребывающий в тихом запое вторую неделю, особо на сцене не шутил, не до этого было. Ему удавались «бой» с медведицей и задушевный разговор, когда Матильда гладила его по голове и лезла целоваться. Худо-бедно паузы между номерами он заполнял.

Наше шапито всем шапитам шапито, шапитистее не найдешь!

Перед тем как вернуться в Россию, цирк оказался в Латинской Америке. То, что артисты выжили, – исключительно личная заслуга Палыча. Цирк гастролировал в Чили, незаметно для себя перебрался в Аргентину, далее в Боливию.

Заезжали в самые отдаленные уголки, где только было возможно поставить шатер и получить деньги.

В Перу, застряв в маленьком поселке из-за проливных ливней, размывших дорогу, они все чуть не сошли с ума от местного напитка. Загорелые жилистые индейцы пили «нектар» глотками, а наши, по вековой привычке, стаканами.

Почти у всех артистов начались галлюцинации, общения с покойными родственниками и совместные ритуальные бдения с туземными древними богами.

Палыч за себя не боялся, считал, что выдержит, но беспокоился за коллектив, особенно за родного сына, который собрался в единственный за две недели выходной сходить «тут неподалеку» за двумя вещими птицами.

Виталик решил забрать невиданных птиц в Москву для более тесного общения, а пока разговаривал с ними телепатически. Палыч попытался урезонить людей, воззвать к разуму. Но те, осоловевшие от наркотической настойки и безделья, слабо отмахивались, советуя «хлебнуть и не париться».

Палыч попросил сына показать таинственных вещей птичек, но Виталик объяснил ему, что птиц за последние триста лет мало кто видел. Их ощущают, когда летают. Лететь лучше всего с ближайшей горы. Вниз головой.

Вечером, сидя у традиционного костра, Палыч два часа слушал, как его сослуживцы с сонными глазами, смотрящими в nirvanу, толкали заумные речи о грани между мирами. И решил принимать незамедлительные меры.

В ста двадцати километрах от селения, где они зависли на месяц, был небольшой залив, в который иногда забредали корабли. Палыч решил спастись морем.

Купив последнюю в этом сезоне бутылку сводящего с ума снадобья, Палыч повел за ней родной коллектив. Завел всех в старый автобус желтого школьного цвета без стекол...

Путь в сто двадцать километров с гор к морю занял полдня. Палыч гнал раздолбанный арендованный автобус с мак-

симальной скоростью для этих дорог, на которых никогда не было асфальта, – тридцать километров в час.

Через два дня в порту их подобрал небольшой теплоход, отправляющийся в Европу.

За время гастролей по Латинской Америке труппа обновилась, исхудала и изголодалась. Кордебалет в составе четырех тощих девушек за две недели путешествия на судне отъелся. Мужская же часть ежевечерне развлекала команду, травила анекдоты на всех языках мира, пела песни, жонглировала, в общем, репетировала на палубе.

Вскоре шапито перебралось во Францию, там я к ним и попала, через месяц после появления Матильды.

Глава 11

Подкидыши

Любому цирковому понятно, что большинство шапито гастролирует без зверей. Только стационарные цирки могут себе позволить дрессированных «братьев наших меньших» или разъезжающие зверинцы.

В шапито и условия для содержания не самые лучшие, да и справок слишком много требуется: санэпидемстанция, ветеринарка, калькуляция расходов на питание, разрешение на содержание, прививки, допуск к дрессуре и далее по списку... Но у Палыча выбора не было.

Матильда прибилась к цирку во Франции, недалеко от Руана. Ее, маленькую и больную, привели цыгане.

Палыч долго отнекивался, объясняя, что ему по штату не положено иметь зверей. Цыгане понимающе кивали головой и снижали цену. Палыч разозлился, позвал всех акробатов, что были в наличии, и те вытеснили цыган с территории цирка.

Но цыгане привязали Матильду к бытовке Палыча часа в четыре утра. Рык Пусика разбудил нескольких цирковых, но было поздно, цыгане умчались на раздолбанном «Рено».

Матильда ужасала внешним видом. Шерсть была порчена гнойными проплешинами, медведицу мучили блохи, ее поносило.

Палыч привлек к лечению Матильды кого только можно. У нее вытащили кольцо из носа, заставили выпить бутылку водки с десятью сырыми яйцами, обмазали керосином и кормили исключительно овощами.

Матильда выжила. Но, как показало время, перестала расти. Сказалось трудное детство и непосильный труд на сельских ярмарках.

Володя, клоун на пенсии, вспомнил, что сорок лет назад он заканчивал цирковое училище как дрессировщик. По специальности он работал года два, а потом начал профессионально шутить. Клоуном получалось легче, да и отвечать ни за кого не надо.

Теперь Володя понял, что нашел свою вторую половину. Он вычесывал Матильду, кормил и баловал. И она его любила.

С пеликанами получилось занятнее. Полтора месяца назад наши цирковые трейлеры заехали на свободную площадку Городка, на которой нам разрешили выступать.

Сбоку забетонированного квадрата стояло круглое невысокое сооружение, покрытое плотным полиэтиленом. Рядом торчала обыкновенная туристическая палатка. Из нее вылез сонный старикашка и побежал к нашим машинам с радостной улыбкой.

– Ну, наконец-то! Слава те господи! Как же я с ними намаялся! Теперича они ваши, пользуйтесь!

Палыч, ничего не понимая, отмахнулся от сумасшедшего старика и топтался на бетоне, прикидывая, где лучше поставить машины и куда вгонять две основные стойки, держащие купол цирка.

Пока трейлеры разворачивались, старик резво свернул палатку и потрусил к жилым домам метрах в двухстах от площадки.

Первым решил посмотреть что там, за полиэтиленом, Виталик. Приподняв клеенку, Виталик нос к носу уперся в четыре клюва. Птицы, приученные в это время обедать, с радостью загоготали, увидев человеческое лицо с привычным запахом перегара.

Цирковые мало чему удивляются, но звуки, раздавшиеся из-под полиэтилена, просто пугали. Вопли были похожи на разухабистый хор пьяных теток.

Скинув полиэтилен, растерянный Палыч увидел четырех голодных пеликанов в клетках, прилаженных сверху детского надувного бассейна. Оглянувшись, Палыч побежал за стариком.

Дедок поддал ходу, но ему мешала палатка под мышкой. Наперерез старику метнулся жонглер Аркаша, придержал его за плечи и попросил подождать директора.

Палыч, запыхавшись, подбежал к деду и несильно съездил ему по уху.

– Ты чего это нам подсунул?

Старик потер ухо.

– Чего ты сразу драться? Меня к птицам приставили только до того, как приедет цирк. Я этих пеликанов видеть не могу. Оруть и оруть. Рыбы съели – тонну. Насрали гору. Четыре дня с ними просидел, боялся сопруть или съедят. Теперь они ваши!

– А чего ты побежал-то? – Еле отдышался Палыч.

Свертывая палатку, старик хитро глянул на директора.

– Знамо дело, испугался, что вы их не возьмете. Я там на ихний бассейн записочку приклеил и конверт. В нем разрешение на их содержание от нашей мэрии и телефон дрессировщицы, она со сломатой ногой в больнице лежит. Зверинец без нее уехал, уж очень у дрессировщицы характер тяжелый, не захотели они ее ждать. А вам навестить надо, вдруг и она без птиц сбежит, прям в гипсе. Ну, пошел я, меня жена ждет картошку поливать.

На следующий день кинули жребий и в больницу к «сломатой» дрессировщице отправили меня.

Через пять минут общения стало понятно, что дрессировщица действительно занудная стерва. Сорокавосемилетняя Лариса строила из себя тонкую девушку семнадцати лет. Перевоплощение у нее не получалось.

Она сразу начала ругаться на владельцев зверинца, где работала, на негуманное обращение с собой и птичками. Зачитала по памяти несколько статей из американского законодательства по охране животных.

От нового коллектива она потребовала лекарств, фруктов

и ежедневных визитов. Обещала выйти через неделю и подать в суд. На всех. На владельцев зверинца, на директора цирка, на... Она осмотрела меня с ног до головы и устало махнула рукой, не включив меня в черный список.

Я, естественно, удивилась – Палыч-то наш при чем? Но Лариса, нервная женщина, очень похожая на оципанного пеликана, была уверена, что к моменту ее выписки все будут «при чем».

Послушав нервную тетку еще минут десять, я оставила на тумбочке бананы и лимоны, сказала «до свидания» и, не слушая бесконечный рассказ о злоключениях дрессировщицы, ушла.

В тот же день, позже, после обеда, комиссия в составе меня, Витальки и Ольги-кордебалет постановила, что пеликаны ничего не умеют. Они стадом носились по манежу, пачкая едким пометом покрытие. При виде элементарных колец и тумб, тупо моргали, никак на них не реагируя.

Теперь в больницу отрядили Виталика. Он надел парадные кожаные штаны, новую футболку, прикупил цветочков подешевле и отправился охмурять Ларису.

Вернулся через два часа пьяный, объяснив, что выпил с расстройством. Дрессировщица долго втюхивала ему насчет жестокого обращения с животными, о свободном волеизъявлении птиц и жестокостях цирковой дрессуры.

Короче, весь номер Ларисы состоял в том, что она залезла на лестницу, висящую над надувным бассейном, и оттуда

кидала птицам рыбу, которую они ловили, эффектно размахивая огромными белоснежными крыльями.

Виталик подсчитал, сколько рыбы уйдет на их кормление, и решил, что дешевле пустить пеликанов на гриль.

Но тут вмешалась Ольга. Обладая не самым красивым лицом, она поражала мужчин обаянием и уникальной по совершенству фигурой. Длинные стройные ноги, амфорные бедра, тонкая талия, плоский живот и небольшая грудь. Ни намека на целлюлит. Мужчина любого возраста, если он не слепой, всегда реагировал на нее.

Ольга вдохновилась идеей сольного номера и предложила сделать качели над пластиковым бассейном, который еще нужно купить, а она в своем блестящем костюме будет раскачиваться под куполом шапито и оттуда, постепенно снижаясь и делая акробатические «па», кормить пеликанов.

Знаменитый блестящий костюм Ольги состоял из колготок, трусиков «стринги», двух кружочков на тесемочке, называемых «лифчик», и абсолютно прозрачной переливающейся накидки.

Палыч, на которого Ольга производила гипнотические впечатления, согласился сделать пробный номер.

Две недели Палыч плохо спал, подсчитывая, во сколько ему обходятся горластые птицы. Но первые же кассовые отчеты его успокоили. И пеликаны, и Матильда весомо увеличивали цирковые сборы и полностью оправдывали уход за ними.

Глава 12

Вечер первого дня

В десять часов вечера я разожгла ежевечерний костер. В нем сжигали накопившийся за день мусор. Костер называли «пионерским», те, кто к нему подтягивался, пили пиво, вино или чай и разговаривали о произошедших за день событиях. Отличное расслабляющее средство.

Сегодня, кидая мусор в огонь, я поняла, что между тем моментом, когда я бросила картонку в огонь, и тем, когда подняла ресницы, прошло не меньше минуты, потому что картонка догорела. Значит, я проспала эту минуту. Бог мой, как же я вымоталась в этот день!

И тут, о ужас, к костру подсел Сергей. В последний час я забыла о его существовании! Мне предстоял еще один трудовой подвиг – соорудить и застелить незваному гостю постель.

Спасти меня от сонливости мог только холодный душ. Под него я и встала. Прямо в белом халате. Тут же заломило в бывшей больной коленке, реагирующей на любое изменение погоды. Бодрости от холодной воды мне хватило как раз на вытаскивание из-под кровати матраца и второй, ненужной мне, подушки. Постельное белье я бросила стопкой на матрац, который расположился между моей узкой кроватью и стеной.

Сергей разбудил меня... не знаю во сколько. Он что-то бурчал про непонимание и о желании поговорить. Я, не открывая глаз, послала его куда подальше, но недостаточно громко, потому что он тут же спросил меня, почему я не имею любовника в цирке.

Этот вопрос меня на секунду разбудил. Но не настолько, чтобы отвечать.

Сергей вертелся, стараясь раздеться и не повредить свою «кровать» на полу. Сквозь сон я услышала самый дурацкий вопрос за последние полгода.

– А может, тебе того, холодно?

Я подумала, что сделала большую ошибку, связавшись с неумным богатым выпивохой. Но тут пришло спасение. В окно постучал Виталий. На его робкое: «Серега, давай поговорим за жизнь, а то скучно» – Сергей подпрыгнул на месте, накинул снятую куртку и вылетел из бытовки.

В ту же секунду я заснула. Как в омут провалилась.

Сергей не собирался приставать к лохушке-уборщице. Он попробовал предложить секс чисто из сострадания, по привычке. Когда Настя никак не отреагировала, он не расстроился. А тут и Виталик постучал в окно.

К удивлению Сергея, пить водку Виталик отказался.

– Кончилась расслабуха, при репетиции руки начали трястись. Давай по пиву. А ты чего? От жены прячешься?

Сергей промямлил, что он не то чтобы прячется, но хо-

чет отдохнуть от семейных проблем, пожить другой жизнью. Виталик сочувственно слушал.

– Я бы тоже другой жизнью с удовольствием пожил. Знаешь, директором бы побыл.

– Директором чего? – сонно переспросил Сергей.

– А какая разница? – Виталик мечтательно заулыбался. – Фабрики, конторы, телевидения. Поруководил бы. Каждый месяц котлету денег получал бы. Сказка.

– Не уверен. – Сергей кинул в огонь пачку собранного за день мусора и взял у Виталика бутылку пива. – Как правило, владелец больше всех работает на своем предприятии.

– Понимаю, – решил поддержать нового знакомого Виталик. – У меня батя владеет половиной шапито. Сам видишь, как вкалывает. – Виталик достал из принесенного пакета сверток. – Бутерброд с колбасой будешь? Слышал, в Городке убили замдиректора обувной фабрики. Во, наверное, денег сняли! – Виталик отпил пива и заговорил тише: – Я тоже однажды в переделку попал.

Мама у меня всегда эффектной женщиной была, царствие ей небесное. Мы из кинотеатра поздно вышли, я замешкался, и она одна, без меня осталась. На улице к ней двое парней пристали. Моложе ее лет на десять, пьяные в дупелину. Мама сначала культурно с ними разговаривала, потом послала. Один пьяный ее за руку схватил. А мама гимнастка, силушки до фига, она с ходу ему в глаз звезданула.

Тут второй полез в драку. Я тоже всунулся. Мне четырна-

дцать, а тем бугаям по двадцать пять. Один мне между ног
врезал, я скрючился. Ни дышать, ни смотреть, ни двигаться
не могу. Тут моя мама как заорет: «Вы что же, хотите меня
без внуков оставить!» Ребята ничего понять не могут. Мо-
лодая девушка что-то орет о внуках. А мать разошлась не
на шутку. Одному руку сломала, другого просто хуком в ле-
вую челюсть вырубил. На нее в суд подали за превышение
самообороны, но мама с Юрием Никулиным дружила, он ее
отмазал.

Допив бутылку пива, Сергей закурил.

– У меня хуже было. Я ведь сидел в молодости.

– Бывает. – Виталик достал из пакета еще две бутылки. –
У нас вон Володька, клоун вечно пьяный, четыре года мотал.
А ты?

– Два. Мама, да и я считаем, что произошел тот самый
редкий случай, когда отсидка на пользу пошла. Я на нарко-
тиках тогда сидел, на героине.

Сергей вспомнил восьмое мая пятнадцать лет назад. Осо-
бых празднеств по случаю Дня Победы не было, ветеранов
почти не осталось. Но народу много не надо, лишней выход-
ной тоже на дороге не валяется. К вечеру на центральную
улицу микрорайона вышли семейные пары с детьми, компа-
нии ребят, отдельно прогуливались группы хохочущих деву-
шек.

Сергей опять стащил деньги у матери. Он очень любил
мать, но контролировать себя уже не мог, тащил из дома все,

что можно вынести.

Тут же он встретился с Ромкой, который своим родителям наврал, что ему нужны деньги на два билета в кино. На общую сумму купили пять чеков. В первый раз вмазались в подъезде. Шататься после первого прихода по улице было лень, но встретились знакомые, бывшие одноклассники. Постояли, поболтали. Из пяти человек только один Юрка из соседнего дома был трезвым и «невмазанным». Именно он не понравился трем мужикам на ближайшей лавочке.

Когда они заорали, что Юрка им обзор на улицу закрывает, тот отошел в сторону, но при этом толкнул двухлитровую бутылку пива, стоящую на земле. Мужики начали возмущаться. Юрка поднял бутылку, две компании полаялись, но как-то вяло, без огонька.

Юрка, завязавший с наркотиками полгода назад и не переносящий алкоголя, решил, что с него хватит. Пожал ребятам руки и отправился домой. Компания побрела дальше по улице. И тут один из пьяных мужиков оторвал задницу от скамейки, догнал Юрика и пырнул его ножом в спину.

Это было так неожиданно, что сначала никто не понял, что же произошло. Юрка упал. Второй мужик на скамейке оказался самым сообразительным, прихватил початую водку и потрусил к своему подъезду.

Компания ребят несколько секунд стояла в ступоре. На глазах двадцати человек, в начале праздников, прирезали человека ни за что ни про что. Естественный гнев охватил ре-

бят.

Раненый Юрка был в сознании, но слабел на глазах. Ребята вызвали «Скорую» и милицию. Один из участковых, на их счастье, курил на балконе и видел происшедшее. Видел, кто спровоцировал драку.

«Скорая» подъехала быстро. Мужика парни поймали, но в милицию не повели. Затащили за гаражи и там побили. Почему Серега тогда увлекся мордобоем, ему самому было не понятно.

Остановились ребята в своем мщении вовремя, как раз подоспел наряд милиции. У пьяного дурака оказалась сломанной челюсть. А вот у Сергея при обыске нашли три оставшихся чека героина. Хотели припаять ему по полной. И провокацию на драку, и торговлю наркотиками, то есть лет на семь. Но Сергею повезло – милиционер, кутивший на балконе, от своих слов не отказался.

Мама, жалующаяся, что он отнес всю квартиру, в том числе продал даже утюг, плюнула на прежние распри и заняла денег на адвоката. Дали минимальный срок. В зоне Сергей держался середняком, на рожон не лез.

Когда вышел, мать не могла поверить, что он больше не колется. То, что Сергей начал закладывать за воротник, ее не очень беспокоило, половина России пьет. А Сергей действительно больше к наркотикам не вернулся. Конечно, два раза укололся, но истерики со стороны мамы и бывшей жены были такие, что он решил остаться алкоголиком.

Виталик слушал историю с вниманием.

– Ну чего, Серега, ты молодец. И мама твоя тоже. Давай с водкой завяжем?

Сергей посмотрел на Виталика трезвым взглядом.

– Ты чего, офигел? Последней радости лишиться?

– И здесь ты прав. – Виталик встал. – Спать пора, туши костер.

Вставка № 1

Генштабовский взрыв

В левом крыле здания заканчивался ремонт, с первого по третий этаж, и начинался в правом крыле.

Сашка был в отчаянии. Два месяца его комнатуха простояла от генеральского кабинета на двадцать метров. Генерал бесился, что приходится вызывать адъютанта телефонным звонком, но Сашка весело носился по коридорам, разнося бумаги, чай и устные распоряжения. Теперь, когда в отремонтированные кабинеты вносили мебель и расстилали красные ковры, ужас тесного общения с генералом возвращался.

Сашка на дух его не переносил – настолько, что ненависть приобрела цвет. Обычно она была пульсирующего светло-фиолетового цвета. В моменты, когда генерал называл его сыночком, с ударением на «ы», ненависть алела, а уж когда он жадно дотрагивался до руки или запихивал жирную ладонь под форменную рубашку, ощупывая Сашино тело, она перерастала в ярость и раскалялась до пронзительного белого цвета.

Сашка не мог жаловаться. Во-первых, потому, что, помимо офицерского жалованья получал ежемесячно в конверте семьсот евро, а во-вторых, прежний адъютант, после ссоры с генералом, погиб в автомобильной аварии, разбив

всмятку себя и машину, возвращаясь с рыбалки.

Сашка зашел в еще пустой кабинет. Внимательно осмотрелся, пытаясь обнаружить недостатки. Ничего не задевало взгляда. Новая мебель орехового цвета, идеально положенный ковер, компьютер и принтер приятного, темно-серого оттенка, пузатая настольная лампа, негромкие часы. Спокойно и дорого.

Сашку отодвинул старшина, вносящий тяжелый ящик с горшками цветов, за ним в кабинет втиснулся сам генерал.

– Александр, принеси отстоянной воды, два дня цветы никто не поливал.

Генерал смотрел на Сашку, и тот чувствовал его еле сдерживаемую страсть.

– Ну что ты стоишь? Беги за водой. Потом кофе поьем, побеседуем.

Сашка прекрасно изучил это «побеседуем», кожаный диван тоже внесли в кабинет.

Опрометью выскочив в коридор, адъютант побежал к кладовке, в которой два месяца томилась цветы со всего этажа.

– Ненавижу, ненавижу. Чтоб тебя разорвало, жук похотливый. Ненавижу.

Он бормотал про себя, автоматически забирая пластиковые бутылки с водой и опрыскиватель.

Генерал с удовольствием оглядел обновленный кабинет. Он поставил на большой стол портфель, вынул дорогой ко-

ньяк. Сейчас они с адъютантом побалуются кофе с коньячком, а затем он побалуется адъютантом. Миленький мальчишка. Такие нежные красавчики в армии – редкость.

Генерал сел за стол. За окном темнело, собирался дождь. Он включил настольную лампу.

Сашка быстро шел по коридору, сильно сжав бутылки с водой. Он подумал, что лучше смерть, чем опять невероятное унижение нежеланного содомического соития, и запах старого хряка от волосатого генерала.

Подходя к кабинету, Сашка остановился от громкого звука «А-а-ах» и резкого короткого свиста, закончившегося неприятным шелестом.

Войдя в кабинет, адъютант сначала уронил бутылки, затем его вырвало, а когда он еще раз обернулся и взглянул на то, что осталось от генерала, то потерял сознание...

Придя в себя, он, не соблюдая бравого армейского шага, потный и растрепанный, ввалился в приемную заместителя министра и сел на диван, прижимая руку к желудку.

Майор, сразу понявший, что Сашка не в себе, вышел из-за стола.

– Ты чего? Что? Неприятности?

Сашка нервно вытер рот.

– Генерал убит. В кабинете.

Майор быстро нажал на кнопку «тревога», зашел в кабинет заместителя министра, затем побежал с другими офи-

церами в генеральский кабинет.

Сашка так и сидел на диване. Через минуту до него дошло, что генерала больше нет. И никогда не будет. И он, Сашка, не увольняется со скандалом из армии, а остается в Москве, в Генеральном штабе, и никто его больше не будет ставить в неудобную позу. Осознание свободы навалилось с такой силой, что Сашка заплакал от счастья. Он рыдал, хлопая носом, и вытирался рукавом.

Из кабинета вышел заместитель министра, с интересом смотрел на молоденького адъютанта.

Сашка всхлипнул, испуганно посмотрел на генерала. Неужели опять?.. Нет, этот генерал смотрел только с сочувствием.

Майор подождал перед кабинетом спешащую охрану, чтобы не одному входить в помещение, где произошло ЧП.

Войдя, он понял, что ремонт здесь придется делать заново.

Один из охранников скрючился у стены, выбрасывая из себя недопереваренный завтрак, другой удивленно оглядывался. Майор решил внимательнее к нему присмотреться. Если он спокойно воспринял такое...

Майор прошел немного вправо, для лучшего обзора. Охранник встал за его спиной.

– Я в Чечне был. МЧС нашу часть пару раз на спасательные работы выдергивало. Многого навидался. Но тако-

го дерьма... Никогда.

Вся стена за тем, что раньше было телом человека, покрыта однородным кровавым, размазанным фаршем из плоти. В офисном кресле сидела половина генерала. Форменные брюки с широкими лампасами, толстые ноги в военных ботинках. Все залито кровью. Выше пояса мясной фарш, а еще выше – скелет. Кровавый скелет странно поблескивал. У черепа удивленно отвисла челюсть.

Майор повернул голову к охраннику:

– Никого в кабинет не пускай. Никого. Я за спецями.

– Понял.

Охранник выволок второго напарника в коридор, прислонил к стене и встал в приоткрытых дверях.

Майор побегал по коридору, набирая телефон спеццанти.

Через сутки специалисты выдали результат. Взорвалась настольная лампа. Лампа сработала как необычная бомба. Материал, послуживший основой тулова лампы, – сплав стекла и керамики.

В аналитической справке экспертного отдела, после ряда формул, осторожных предположений и допусков стояла фраза, из-за которой решено начать особое расследование.

Был шанс, один на миллион, что лампа волею судьбы получилась настолько потенциально взрывоопасной. Но то, что она попала в кабинет Генштаба, во много раз увеличивало вероятность неслучайности.

*Больше настольных ламп в кабинеты не выдавали.
Вместе с военными расследованием занялось ФСБ.*

День второй

Глава 1

Ладочников приехал

И сегодня вареная рыба на завтрак и у Матильды, и у пеликанов прошла, как всегда, на ура!

Надев маску на лицо, я быстро вычистила клетку медведицы. Маски я покупаю обыкновенные аптечные, против гриппа, сбрызгиваю одеколоном или духами и стараюсь не дышать.

С пеликанами дело обстояло сложнее. Их помет приходится отдирать не только в четырех клетках, но и в бассейне. Длинные белые перья нужно аккуратно собирать, их артисты с удовольствием используют в цирковых костюмах.

Вернувшись в бытовку после душа, завернутая в полотенце, я озаботилась проблемой, не волновавшей меня довольно долго. Пришлось думать, что сегодня надеть.

Вариантов было два – или халат синий, с запахом Матильды, от которого на меня выли окрестные собаки, или халат белый, на который местное население тоже своеобразно реагировало. Два раза на улице меня останавливали дамы в возрасте, умоляли измерить давление, а один раз в магазине мне

пытались всучить взятку как представительнице санитарной службы города.

Но Костю Ладочникова, любимого мужчину моей любимой подруги, шокировать внешним видом не хотелось, и я вытащила из чемодана французское платье, купленное в Париже.

Платье сидело как влитое, только было мятое. Открыв окно, я вылезла в него наполовину.

На улице жарило солнце. Сергей умывался под струей холодной воды, бьющей из колонки, Виталик стоял рядом, учил его жить.

– Серега, ты не дрейфь! Заработаем денег, найдем себе новых баб: только жениться не будем.

Я с удовольствием перебила акробата.

– Виталик, дай утюг!

Отвлечшись от своего нравоучительного монолога, Виталя с огромным, просто неприличным удивлением спросил: «А зачем он тебе?»

Действительно, это был первый случай за несколько месяцев, когда я решила что-то погладить.

Кстати, мой полуголый вид Виталика не смутил несколько, девушки нашего кордебалета частенько ходят вообще в трусиках, у которых треугольник спереди не больше пяти квадратных сантиметров, а шнурки-тесемки прозрачные. По сравнению с ними я была почти что в вечернем платье, на мне были ажурные шортики и бюстгальтер.

Утюг я получила через пять минут, а еще через пятнадцать вышла из бытовки.

Мое появление слегка удивило Виталика, Сергей был просто в шоке. Действительно, платьишко в красно-белую полоску, выше колена, сильно приталенное, стоило триста евро. Туфли столько же.

На голове соломенная шляпа темно-бордового цвета. Сколько она стоила, я не знаю, я ее у кордебалетной Ольги одолжила. Сергей долго шурился, рассматривая, та ли это кикимора, что нашла его вчера.

Поигрывая плечиками, я прошла мимо мужчин.

Железнодорожный вокзал в Городке пах так же, как и все вокзалы, углем и асфальтом платформы. Легкое марево жаркого утра прибавляло духоты.

Электропоезд пришел в срок.

Ладочников приехал налегке. В руках у него был небольшой портфель, пакет и здоровенный носовой платок размером с наволочку.

Бодро выскочив из вагона поезда на платформу, он высморкался и начал гнусаво передавать приветы.

– От Сергея Дмитриевича, моего начальника, тебе привет. Он помнит. Надеется, что депрессуха твоя пройдет и ты вернешься в стольный град Москву.

– Спасибо.

– Милка тебе буженины собственного изготовления прислала, я тебе попозже отдам. Ждет тебя не дождется. Ее ис-

поведей кроме тебя никто выдержать не может, и она сучает.

– Спасибо.

– Милка проболталась твоим родителям, что я еду к тебе. Отец очень просил тебя не дурить и возвращаться, а мама сказала... – Чихнув, Костя промокнул повлажневшие от насморка глаза. – Она много что сказала простым русским языком, но суть в том, что на порог она тебя не пустит, потому что у тебя дурные переживания, а у нее родительские. Собака твоя на сносях и весит уже не килограмм, а целых два. Образовалась очередь желающих приобрести щенков...

– Костя! Может, пойдем уже, Костя?

Ладочников чмокнул меня в щеку.

– Хорошо. А куда ты меня потащишь?

– В цирк. И учти – ты мой двоюродный брат.

– Это я запросто учту. А если серьезно, какая у нас начальная информация?

Я отдала Костику две газеты.

– Позже прочтешь. А в цирке познакомишься с человеком, которого ищет весь здешний Городок.

– Он там работает? – Ладочников сложил свою клетчатую наволочку и с трудом затолкал в карман джинсовой рубашки. – Кем?

– Придем – увидишь. Ты мне лучше скажи, зачем Миле мой спортивный костюм понадобился, она что, решила вести правильный образ жизни?

Ладочников резко остановился и шмыгнул носом.

– Представляешь, она снизила норму с десяти сигарет в день до пяти. И пиво пьет только в выходные. Меня ее стремление к идеальной жизни начинает беспокоить. Но характер тот же. С утра еще ничего, а вечером пилит меня и пилит, рассказывает, как жить надо. И, как ты понимаешь, в выражениях не стесняется.

– Так зачем ей спортивный костюм?

– Да нет, она его Эльвире отдала, сестре моей.

– А ей-то зачем?

Мы прошли гулкий зал старого вокзала и вышли на круглую площадь.

– Это отдельный разговор.

Я жмурилась от горячего солнца, дышала свежим воздухом провинциального города, с удовольствием чувствовала на себе заинтересованные мужские взгляды. Господи, да у меня больше полугода не было такого настроения!

Гена, стоящий на пороге своего торгового павильона, оглядел всех немногочисленных прибывших с поездом пассажиров, задержался взглядом на моих ногах, на талии, на глубоком вырезе сарафана.

И тут он узнал меня. В две секунды оценил Ладочникова, решил, что тот не соперник, и по-новому улыбнулся мне.

Ладочников скосил глаза.

– У тебя поклонник?

– Не то слово. – Я изобразила высокомерную гордость. –

Желает осчастливить меня интимной близостью. Зовут Гена. Кстати, родственник убитого, так что играем... Подожди меня здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.